PG 3467
.P34 S5
Copy 1

PG 3467
.P34 S5
Copy 1

O. Parvi.

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

54 PG3467 .P34S5

Мечтать о будущемъ возвышенно начнутъ.
Проекты, планы будутъ созидаться,
А между тѣмъ... старье, въ блестящей мишурѣ,
Къ господству новому... легонько пробираться
Начнетъ по прежней и завѣтной колеѣ!
А тамъ, что яркою звѣздою путеводной
Считали, то блудящимъ огонькомъ сочтутъ...
И въ новомъ словѣ—плевелы, посѣвъ негодный
Приверженцы преданій старины найдутъ!—
И вотъ все такъ-то свѣтъ, какъ мельница, вертится;
Добру при этомъ трудно, трудно созрѣвать...
И если силѣ ты дерзнешь не подчиниться,
Зафилософствуешь,—дадутъ совѣтъ молчать!

Е. Щ—ина.

ШУСТЁНОКЪ

РАЗСКАЗЪ ИЗЪ НАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

Мы, жители столицъ, благодаря своему многолюдству и дѣятельности городской полиціи, не имѣемъ и понятія о той опасности, которая ежеминутно грозитъ и лицу и имуществу въ отдаленныхъ селахъ и даже городахъ, не только уѣздныхъ, но иногда и губернскихъ. «Въ отдѣлѣ внутренней почты—такъ говорили еще на-дняхъ «Московскія Вѣдомости»—читатели найдутъ извѣстіе изъ Нижняго-Новгорода такого-же печальнаго характера, какъ и извѣстія изъ многихъ провинціальныхъ городовъ Россійской имперіи. Рѣчь идетъ о нестерпимомъ разгулѣ лихихъ людей, о воровствахъ, грабежахъ и разбояхъ, совершаемыхъ во множествѣ и съ дерзостью поразительной, совершаемыхъ чуть не на глазахъ народа, среди бѣла дня. Намъ пишутъ объ этомъ изъ такого значительнаго центра, какъ Нижній-Новгородъ; еще горчайшія жалобы слышались за послѣднее время въ печати изъ меньшихъ городовъ, Ельца, напримѣръ, Гжатска и др. Одинъ изъ гжатскихъ корреспондентовъ съ того и начинаетъ, что «Гжатскъ находится *въ осадѣ* у воровъ и мошенниковъ». Размѣры зла—заключаетъ газета — заставляютъ обратить на него серьёзное вниманіе и задуматься о мѣрахъ къ борьбѣ съ нимъ, о мѣрахъ къ его возможному прекращенію. Неужели и предъ этимъ зломъ мы окажемся также беззащитными и безсильными, какъ «отсиживаемся», говоря древнимъ лѣтописнымъ выраженіемъ, отъ холеры, пожаровъ, сибирской язвы и прочихъ золъ? Но вѣдь на бездѣятельность и слабость полиціи едва-ли можно

смотрѣть только какъ на испытаніе, посылаемое свыше, а въ недостаткахъ администраціи и ея упущеніяхъ видѣть одно «попущеніе Божіе?»

Все это справедливо, но нельзя всего ожидать отъ дѣятельности и силы полиціи; нужно также изучить самое зло, такъ сказать, въ лицахъ, и съ этою цѣлью мы взялись за настоящій разсказъ о разбояхъ въ Холмскомъ и Старорусскомъ уѣздахъ, а эти разбои, — пользуемся выраженіемъ корреспондента «Московскихъ Вѣдомостей»—держали цѣлые уѣзды въ осадномъ положеніи съ 1856 до конца 1864 года. Случай доставилъ намъ возможность лично ознакомиться съ условіями мѣстной жизни пострадавшихъ уѣздовъ, и кромѣ того мы воспользовались богатымъ матеріаломъ, какой представили намъ рукописныя воспоминанія И. А. Волкова, чрезъ руки котораго прошли пойманные разбойники.

I.

Въ Холмскомъ уѣздѣ и до сихъ-поръ живетъ ужасная память о томъ, какъ безнаказанно, въ теченіе слишкомъ семи лѣтъ прогуливались по селамъ и городамъ неуловимые Шустёнокъ, Степа и Слизкой; о ихъ посѣщеніи можно было узнавать только по кровавымъ слѣдамъ ихъ подвиговъ. Послѣдній изъ нихъ былъ такъ и прозванъ «слизкимъ» за свою удивительную для народа способность ускользать изъ-подъ ареста; сотскіе-крестьяне и полицейскіе чиновники увѣряютъ, что Слизкой былъ до двѣнадцати разъ пойманъ, и каждый разъ благополучно уходилъ. Случалось, что сотскіе, скрутивъ его крѣпко-на-крѣпко веревками, съ угрозами и насмѣшками надъ видимымъ безсиліемъ Слизкого, приводили его въ станъ, сдавали лично становому, тотъ лично запиралъ его въ арестантскую каморку и обставлялъ земскимъ карауломъ, — и все-таки поймавшіе его крестьяне не успѣвали отойти отъ становой квартиры десяти верстъ, какъ ужъ изъ лѣса свисталъ имъ обгонявшій ихъ Слизкой, съ угрозою сжечь деревню своихъ недоброжелателей. Случалось, что угроза этого злодѣя не была одними словами; несчастные крестьяне платились стогами сѣна, ржи и домами, потому что Слизкой нисколько не стѣснялся «подпускать подъ нихъ краснаго пѣтуха». У Слизкого была шайка, которая съ поимкою ихъ атамана разсѣялась и ушла частью въ Сибирь. Спаслись немногіе, и между ними Степа, набравшій вновь шайку.

Степа былъ въ полномъ смыслѣ слова атлетъ. Аршинъ около трехъ роста, могучъ и плечистъ, онъ въ состояніи былъ остановить любую пару лошадей съ экипажемъ, лишь-бы удалось ухватить послѣдній хоть за что-нибудь. Въ шайкѣ его, имѣвшей притоны по большой старорусской дорогѣ въ Холмъ, въ лѣсу и деревняхъ, одно изъ видныхъ мѣстъ занималъ Шустовъ Егоръ, называемый народомъ просто «Шустёнокъ». Существенная разница въ ихъ характерахъ опредѣлялась—въ Степѣ какимъ-то инстинктивнымъ чувствомъ состраданія къ бѣднымъ людямъ, которыхъ онъ не только не обижалъ, но напротивъ, самъ проводилъ лѣсомъ верстъ по шести, давалъ денегъ, и отпуская говорилъ, что Степы молъ бояться не слѣдуетъ. Но Шустёнокъ отличался одинаковой ко всѣмъ жестокостью. Изъ безчисленныхъ разсказовъ о великодушныхъ поступкахъ Степы, для примѣра можно привести одинъ случай съ бѣдной старухой, холмской мѣщанкой. Въ небольшомъ перелѣскѣ передъ Поддорьемъ, старуху застигли сумерки. Перетрусившись и безъ того отъ ожидавшей на каждомъ шагу встрѣчи съ разбойниками, она, потерявъ присутствіе духа, спѣшила, удвоивъ шаги, добраться скорѣе до первой деревни. Полная страха, она не видала даже, что её догонялъ какой-то купецъ и подойдя къ ней ласково спросилъ: далеко-ль Богъ несетъ?

— Далеко, батюшка, далеко... въ самый ижно Холомъ... отвѣтила старуха, обрадовавшись, что случился попутчикъ.—А вы далеко-ль?

— Я въ Поддорье... Не спѣши, старушка, пойдемъ вмѣстѣ; вмѣстѣ веселѣе...

— А та батюшка!.. Какъ можно? Ночь на носу, а тутъ дѣло стало такое—лѣсъ!.. Не равёнъ часъ... Дай Богъ въ часъ сказать, а въ худой помолчать... Вѣдь тутъ этотъ разбойникъ-то ходитъ, Степанъ-то... Съисть укоемный!..

— А ты боишься Степана-то?—спросилъ купецъ, посмотрѣвъ съ любопытствомъ на старуху.

— А поди ты не боишься? Какъ его, этакого душегуба, и не бояться... Останную адежёнку доймётъ.

— Ну, не бойся!.. успокоительно ободрилъ ее купецъ.—Ну, что, какъ у васъ въ Холму?.. Купцы-то поди все богачи?..

— Есть батюшка и богачи, есть и бѣдныхъ много... бѣдныхъ-то больше...

— А у тебя есть-ли тамъ домишка, аль такъ въ бобылькахъ?..

— Нѣту родный... одна, вотъ, какъ перстъ... Былъ сынокъ, да лѣтось поѣхалъ въ Питеръ на баркахъ Боборыкинскихъ —

утонулъ сердешный... Купцу показалось, что будто-бы старуха прослезилась.

— Такъ, значитъ, теперь по бѣдности и живешь?... спросилъ онъ.

— Да, родный... Вотъ покуль силы-то хватаетъ, такъ лѣтомъ хожу полоть по купцамъ, а зимой хожу шерсть чешу, да пряжу тку; такъ вотъ и питаюсь.

Заболтавшись путники не замѣтили, какъ вышли изъ лѣса; въ полверстѣ зачернѣлась деревня и кое-гдѣ въ окнахъ сверкнулъ огонь.

— Ну, бабушка, иди съ Богомъ... На-ко возьми на дорогу... Ты странный человѣкъ,—проговорилъ купецъ, подавая старухѣ десятирублевую бумажку.

— Не надо родный!.. Не надо... Не за-что... отнѣкивалась старуха, но купецъ уже былъ за канавой и уходя въ лѣсъ кричалъ ей:

— Возьми, возьми старушка себѣ, — это тебѣ отъ Степы... знай, что Степа не такой душегубъ, чтобъ его бояться всякому... Ежели еще когда Богъ приведетъ встрѣчу, еще не пожалѣю... прощай!.. И съ послѣдними словами Степа скрылся во мракѣ лѣса, оставивъ старуху съ разинутымъ ртомъ отъ удивленія. Въ каждой деревнѣ старуха разсказывала всѣмъ встрѣчнымъ о щедрости Степы, но въ Холму долго боялась разсказывать, боясь, чтобы отъ ней не потребовалъ Степина подарка исправникъ.

Но съ людьми состоятельными Степа не былъ такъ великодушенъ. Смотря по состоянію попавшагося въ его лапы субъекта, онъ или кругомъ обиралъ его, или оставлялъ столько, сколько считалъ необходимымъ оставить ему на путевыя издержки. Главная система вымогать деньги отъ богатыхъ обывателей той мѣстности, гдѣ ему вздумается на время поселиться, были письма съ требованіемъ выслать извѣстную сумму денегъ на назначенное мѣсто, съ угрозою, въ противномъ случаѣ, сжечь не только домъ и все имущество намѣченной имъ жертвы, но превратить въ пепелъ цѣлое селеніе. Угрозы эти, также какъ и угрозы Слизкого, не были обыкновеннымъ застращиваньемъ; нѣсколько богатыхъ деревень, множество скирдъ хлѣба, стоговъ сѣна, преданныхъ пламени, и убиваніе лучшихъ лошадей, принадлежавшихъ лицамъ, не исполнившимъ его требованій, — были осязательнымъ доказательствомъ того, что Степа не любилъ шутокъ. Этой звѣрской системой онъ навелъ страшную панику на всю мѣстность, отъ Ефремова до Холма, на пространствѣ шестидесяти верстъ во всѣ стороны отъ большой дороги. Пощада была обѣщана

только тѣмъ деревнямъ, гдѣ онъ думалъ встрѣтить для себя и своей шайки, состоявшей человѣкъ изъ шести-семи, не болѣе, гостепріимный кровъ, и если замѣчалъ малѣйшій признакъ измѣны, мстилъ безпощадно. Это тяжелое положеніе столь ужасной зависимости трехъ-четырехъ волостей отъ разбойника, конечно, не могло оставаться долго терпимо, и между крестьянами стали появляться смѣлые голоса, призывавшіе къ сверженію съ себя разбойницкаго ига. Но у Степы повсемѣстно были свои агенты, которые служили его интересамъ не столько изъ солидарности ихъ убѣжденій съ нимъ, сколько тоже изъ страха потерять все свое достояніе. Благодаря этой системѣ и тому, что обѣ полиціи, старорусская и холмская почему-то благодушно относились къ дѣятельности Степы, видя въ ней только одни шалости, ужасный образъ Степы выросъ въ такого исполина, что именемъ его матери стращали расплакавшихся дѣтей и о похожденіяхъ Степы сложились цѣлыя легенды. Въ лѣсахъ — недалеко отъ большой дороги, часто въ ночное время пылали костры и передъ ними, съ заряженными ружьями, въ дубленыхъ полушубкахъ на разостланныхъ синихъ армякахъ, валялись пьяныя фигуры, зачерпывая прямо изъ боченка чайной чашкой водку и обнося ею другъ друга. Всѣ придорожные кабаки были ихъ всегдашними отелями, и каждый содержатель этихъ отелей былъ непремѣнно агентъ Степы, обязанный развѣдывать и разнюхивать у всякаго проѣзжаго о настроеніи земскихъ властей. Если приносилась вѣсть, обѣщающая какую-нибудь опасность отъ Старой Русы, Степа немедленно перебирался съ друзьями за-границу уѣзда въ Холмскій уѣздъ; если придетъ какая-нибудь непріятная новость въ Новички (дерев. въ 13 вер. отъ Холма), Степа удалялся въ Старорусскій уѣздъ. Такимъ образомъ гулялъ Степа изъ уѣзда въ уѣздъ не одинъ годъ, наводя ужасъ своимъ приближеніемъ на придорожныхъ жителей; но, наконецъ, вывелъ-таки онъ угнетенныхъ крестьянъ изъ долготерпѣнія и порѣшили они, во чтобы то ни стало, живого или мертваго, а непремѣнно доставить его въ судъ. Случай представился скоро; но не скоро могли рѣшиться и найтись смѣльчаки на столь опасное предпріятіе. Степа съ друзьями нерѣдко открыто приходилъ въ излюбленныя имъ деревни, пьянствовалъ съ крестьянами, шутилъ съ бабами и дѣвками и, какъ грубая сила, необузданная никакими приличіями и законами, позволилъ себѣ пошутить слишкомъ обидно съ какою-то красавицей въ присутствіи ея обожателя. Обожатель-крестьянинъ, проглотивъ обиду, затаилъ ее глубоко въ душѣ, давъ слово себѣ отмстить своему обидчику, да такъ, чтобы онъ

уже второй разъ не могъ не только обидѣть его, даже не могъ подумать о мести. Этотъ рѣшительный парень, не жалѣя денегъ, поилъ своихъ друзей, строилъ планы, какъ предать Степу въ руки правосудія, но ничего подходящаго не выходило, потому что Степа былъ несравненно умнѣе и сообразительнѣе ихъ всѣхъ. Видя, что планы взять врага хитростью трудно-выполнимы, онъ сталъ выжидать случая, и на счастье случай этотъ далъ возможность крестьянамъ доставить Степу въ Старую Русу почти при послѣднемъ издыханіи.

Въ отсутствіи Шустенка, Степа, съ прочими молодцами своей шайки, до того запьянствовался, что не слыхалъ, какъ подкрались къ нему мстители съ тяжелыми желѣзными шкворнями. Дѣло случилось въ лѣсу; по обыкновенію былъ разложенъ огонь, шайка, напившись до пьяна, ревѣла во все горло пѣсни; Степа, сидя на армякѣ, едва шевелившимся языкомъ хвалился своею силою. Вдругъ внезапно раздается крикъ десятка голосовъ, и Степа падаетъ, пораженный по шеѣ тяжелымъ желѣзнымъ шкворнемъ. Трусливые сподвижники его, видя себя окруженными со всѣхъ сторонъ, а главное, видя, въ столь неловкомъ положеніи своего предводителя, бросились въ разныя стороны, оставивъ его одного. Степа сгоряча попытался вскочить, размахнуться своими исполинскими кулаками, — но новый ударъ по тому же мѣсту сломилъ его самонадѣянность. Мстители били его сколько хотѣли, связали, уложили въ телѣгу и повезли въ городъ. Какъ на заморскаго звѣря сбѣгался народъ со всѣхъ ближайшихъ къ дорогѣ деревень посмотрѣть на обезоруженнаго злодѣя; но Степа, съ разбитой головой, едва живой, но все-таки гордый сознаніемъ своей прошлой силы надъ этимъ безгласнымъ и тупымъ любопытствующимъ народомъ, не уронилъ своего достоинства; онъ не испустилъ ни одного стона отъ боли и не вымолвилъ ни одного слова о своей пощадѣ...

Чрезъ нѣсколько времени, послѣ столь трагической развязки Степы со своею свободой, была переловлена и вся его шайка, а въ томъ числѣ и Шустенокъ.

Шустенокъ былъ изъ крестьянъ Старорусскаго уѣзда, деревни Перегина, расположенной на Ловати. Въ 1856-мъ году онъ уличенъ былъ судомъ въ пристанодержательствѣ своего закадычнаго друга Степы, и за это былъ сданъ въ солдаты... Но немного наслужилъ молодой солдатъ; ему крѣпко полюбилась жизнь вольная, жизнь Степы съ его товарищами, только не везло Шустенку на этотъ разъ; черезъ двѣ или три недѣли его поймали, избили палками и отправили на службу въ Кострому, въ бата-

льонъ внутренней стражи, впослѣдствіи переименованный въ губернскую воинскую команду. Но могъ ли этотъ внутренній стражъ быть вѣрнымъ и преданнымъ воиномъ, живя въ подневолѣ, стѣсненный со всѣхъ сторонъ дисциплиной и видя на каждомъ шагу неисчислимое множество вокругъ себя начальническихъ лицъ?.. И вспомнилась Шустенку жизнь вольная да разгульная въ холмскихъ лѣсахъ; вспомнился богатырь Степанъ, часто видится Перегино, а въ Перегинѣ молодуха-жена... И задумался Егоръ, тосковать началъ, да съ тоски махнулъ рукой на солдатскій бытъ, а чрезъ мѣсяцъ ужъ услыхали его голосъ въ старорусскихъ и холмскихъ лѣсахъ въ подмастерьяхъ у дюжаго Степы. Но опять не долго пришлось пожить ему на волѣ; когда оплошавшій Степа попался, — не спустили и Шустенку; наткнулся снова онъ на полицію; и на этотъ разъ уже не отправляли его на службу, а прямо, безъ всякихъ разговоровъ, порѣшили Шустенка на каторгу.

Не особенно струсилъ Шустенокъ и этого рѣшенія. Отправленный изъ новгородскаго острога въ апрѣлѣ 1864 года съ партіею пересыльныхъ арестантовъ на мѣсто ссылки, онъ сошелся дорогою съ нѣкоторыми польскими инсургентами, слѣдовавшими въ Сибирь и выучась болтать кое-что по-польски, успѣлъ обмануть бдительность своихъ конвойныхъ настолько, что они принимали и его за политическаго преступника, а не за уголовнаго. Такъ дошли они до Нижняго-Новгорода. Здѣсь тюрьма была уже переполнена ссыльными, такъ какъ время былое самое тяжелое для тюремъ, стоящихъ на пути къ Сибири; это — былъ годъ едвали не самой усиленной пересылки на поселеніе польскихъ инсургентовъ. Для партіи Шустенка не нашлось мѣста въ острогѣ, и начальство распорядилось всѣхъ, вновь прибывающихъ политическихъ ссыльныхъ, помѣщать на время въ наскоро-устроенныхъ досчатыхъ баракахъ. Шустенокъ, принятый, благодаря его ловкости, за политическаго преступника, былъ помѣщенъ вмѣстѣ съ другими въ досчатый баракъ. Къ тому же фигура Шустенка, маленькая, тщедушная, не представляла ничего внушительнаго, и на него смотрѣли многіе, какъ на угнетенную невинность, неспособную ни на какой рѣшительный шагъ. А между тѣмъ, въ безпокойной головѣ каторжника зрѣлъ дерзкій планъ побѣга и дѣло останавливалось только за тѣмъ, что одному ему не хотѣлось бѣжать. Всматриваясь въ товарищей по заключенію, обмѣниваясь кое-какими мыслями съ ними, онъ случайно наткнулся на земляка, бывшаго повѣреннаго по откупамъ, осташковскаго мѣщанина, сосѣда по уѣзду, Ивана Васильева Тиха-

нова. Тихановъ — извѣстный мошенникъ, надоѣвшій Осташковскому, Демянскому и Старорусскому уѣздамъ своими плутовскими продѣлками, шелъ на поселеніе. Это былъ мужчина лѣтъ двадцати-шести, высокаго роста, брюнетъ, хорошо дрессированный жизненною практикой на службѣ откупамъ, и субъектъ съ силою воли. Шустенокъ, познакомясь съ нимъ покороче, не могъ не остановить на немъ своего вниманія и, послѣ недолгихъ переговоровъ, подговорилъ его къ побѣгу. Въ одну темную ночь, они выломали въ барачной стѣнѣ доску и исчезли...

Какъ они ушли, гдѣ пробирались, что̀ терпѣли дорогою и какъ попали опять въ Перегино и въ холмскіе лѣса, мы предоставимъ разсказать объ этомъ ниже самому Шустенку, а теперь обратимся прямо къ послѣдствіямъ ихъ побѣга.

Въ началѣ іюля 1864 года, распространился въ Холмѣ и его окрестностяхъ слухъ, что Шустенокъ съ какимъ-то товарищемъ опять появился въ этихъ краяхъ; многіе увѣряли, что онъ опять гуляетъ со Степой, и что Степа, будто-бы, вопреки оффиціальнымъ извѣстіямъ, остался живъ и невредимъ, а вмѣсто его былъ схваченъ, избитъ и представленъ по ошибкѣ кто-то другой. Конечно, этотъ послѣдній слухъ не имѣлъ ни малѣйшаго основанія, но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ пущенъ, можетъ быть, тайными клевретами же разбойниковъ и достигъ той цѣли, которая могла имѣться въ виду у его распространителей. Купцы, крестьяне и все прочее населеніе, имѣющее нужду въ постоянномъ сообщеніи съ Русою, повѣсили головы. Изъ Холма никто не рисковалъ ѣхать въ одиночку по старорусской дорогѣ за двадцать верстъ; каждый старался запастись спутникомъ, такъ какъ слухи о «шалостяхъ» разбойниковъ день-ото-дня все повторялись и оправдывались фактическими свидѣтельствами. Въ деревняхъ стали повторяться часто пожары, во многихъ деревняхъ у зажиточныхъ крестьянъ оказались чуть не каждую ночь поломы въ анбарахъ; на дорогѣ не только одинокому, даже двумъ-тремъ путникамъ нельзя было ручаться, чтобы на нихъ не выставились откуда-нибудь изъ-за пня пара двухстволокъ; а тутъ наступилъ сентябрь съ темными и длинными вечерами, и затѣмъ посыпались со всѣхъ сторонъ въ Холмъ подметныя письма съ четкими адресами на имя богатыхъ купцовъ, отъ которыхъ разбойники требовали денегъ, предлагая выносить ихъ къ извѣстнымъ мѣстамъ, съ угрозою за ослушаніе или, въ крайнемъ случаѣ, за наблюденіе за имѣющими придти взять эти деньги, — сжечь до тла не только всѣ дома и постройки упрямыхъ или

любопытныхъ въ городѣ,—даже принадлежащій имъ лѣсъ, заготовленные костры дровъ, стоги и анбары съ сѣномъ на пустошахъ.

При такомъ, крайне натянутомъ, настроеніи мѣстнаго населенія, холмской полиціи предстояло отличиться не на шутку; но на бѣду холмскихъ жителей, въ это самое время у нихъ не было исправника, слѣдовательно уѣздъ оставался, такъ сказать, безъ надлежащаго хозяина. Это обстоятельство еще болѣе озадачивало туземцевъ; нѣкоторые изъ нихъ желали бы предъявить имѣвшіяся у нихъ письма отъ разбойниковъ, которыми послѣдніе требовали отъ состоятельныхъ купцовъ денегъ. Но на счастье уѣзда, тогдашній псковскій губернаторъ, графъ Паленъ, нынѣшній министръ юстиціи, поручилъ временное исправленіе должности холмскаго исправника одному изъ своихъ чиновниковъ, И. А. Волкову, и дѣло о разбойникахъ приняло болѣе положительный оборотъ. Первый толчокъ къ преслѣдованію Шустенка съ Тихановымъ или Соколовымъ, — подъ этимъ псевдонимомъ скрывался авторъ посланій къ холмичамъ, Тихановъ—былъ данъ холмскимъ купцомъ П. С. Челпановымъ.

Челпановъ, получивъ 7-го сентября, вечеромъ, записку, доставленную ему какимъ-то незнакомымъ крестьяниномъ, назвавшимся Михаиломъ изъ Медова (пригородное село), вначалѣ не обратилъ на нее вниманія, такъ какъ ее подали ему на берегу, гдѣ онъ съ дѣтьми отъ нечего дѣлать «сумерничалъ». Придя домой и развернувъ ее не спѣша, въ мысляхъ, что записка отъ когонибудь по обыкновенному въ Холму дровяному дѣлу, онъ былъ пораженъ, увидя весь ужасъ, которымъ стращаютъ его разбойники, если онъ не вынесетъ имъ 50 рублей въ лѣсъ, къ деревнѣ Новичкамъ, непремѣнно 8-го числа. На другой день, рано утромъ, Челпановъ поспѣшилъ съ запискою къ И. А. Волкову, разсказалъ когда и кѣмъ доставлена ему записка и просилъ совѣта, что ему дѣлать?... Записка категорически увѣряла, что «если онъ, Челпановъ, не вынесетъ на перелѣсокъ къ Новичкамъ, 8-го числа, требуемой суммы, то они, Шустовъ и Соколовъ (Тихановъ тожъ), сожгутъ все его сѣно на пустошѣ Ивановкѣ и что ему не будетъ никуда свободнаго проѣзда».

И. А. Волковъ, прочитавъ эту любезную записку и принявъ въ соображеніе уже широко развившуюся дѣятельность столь популярныхъ въ Холму бродягъ, рѣшился, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, немедленно же принять мѣры къ поимкѣ злодѣевъ. Нужно было отыскать въ Холму честнаго, ловкаго и знающаго разбойниковъ человѣка, и конечно, за этимъ дѣло не стало, такъ какъ рѣдкій холмичъ, часто ходившій и ѣздившій по старо-

русской дорогѣ, не встрѣчалъ ихъ, или не выслушивалъ сотни разъ описанія ихъ наружности. Роль такого чичероне возложили на холмскаго мѣщанина Никандра Осипова Шеляпина, который уже неоднократно встрѣчался и бесѣдовалъ съ ними, и какъ человѣкъ небогатый, не могъ представлять для Шустенка лакомаго блюда. Шеляпинъ поѣхалъ въ Новички верхомъ, въ половинѣ пятаго вечера, а И. А. Волковъ, съ 20-ю солдатами и ихъ начальникомъ г. Бодашковымъ, отправились часомъ позже. Какъ увидимъ изъ послѣдующаго разсказа, присутствіе военной команды было мѣрою, вынужденной настроеніемъ въ народѣ,—особенно въ тѣхъ деревняхъ, которыхъ держались разбойники,—не выдавать бродягъ, изъ опасенія, чтобы они, въ случаѣ освобожденія ихъ или побѣга, не отмстили имъ пожаромъ или даже и чѣмъ-нибудь худшимъ.

Первыя извѣстія, полученныя отъ Шеляпина, по дорогѣ къ Новичкамъ, были довольно утѣшительны; поимщики узнали отъ него, что Шустенокъ и Соколовъ, съ двумя холмскими мѣщанами, Дьяконовымъ и Примакинымъ, съ сыномъ содержателя постоялаго двора—на 9-й верстѣ отъ Холма и съ крестьяниномъ дер. Новичковъ, Никандромъ Семеновымъ, пьянствуютъ за этимъ дворомъ въ гумнѣ. Немедленно же сдѣлано было распоряженіе, чтобы за версту до постоялаго двора всѣмъ сойти съ лошадей и тихою поступью, осторожно пробраться къ мѣсту пиршества разбойниковъ. Не успѣли выполнить этого распоряженія, какъ на дорогѣ показались собутыльники Шустенка, Дьяконовъ и Примакинъ, которые, конечно, не могли не понять, зачѣмъ тутъ чиновникъ, солдаты и ихъ командиръ. Однако и они не посмѣли сказать, что не видѣли на постояломъ дворѣ разбойниковъ; повторивъ все то, что поимщики уже знали изъ словъ Шеляпина, они увѣряли, что Шустенокъ и Соколовъ уже съ часъ назадъ ушли или въ лѣсъ, или въ Новички, но положительно куда—не знаютъ; знаютъ только, что ихъ уже нѣтъ на постояломъ дворѣ. Тихо, какъ тѣни, пробираясь мимо постоялаго двора въ разсыпную, поимщики услышали вдали лай собаки, на лай послѣдовалъ легкій свистъ изъ окна постоялаго двора, и они не могли не замѣтить, что свисталъ въ отворенное окно сынъ хозяина Антипъ, высунувъ голову въ форточку. Этотъ свистъ и лай, производя значительный шумъ, оглашавшій всю окрестность, являлись существеннымъ препятствіемъ къ наблюденію за разбойниками, которые, какъ показали послѣдствія, въ это же самое время пробирались лѣсомъ къ ночлегу. За постоялымъ дворомъ, обождавъ лошадей и усѣвшись на повозки, всѣ снова поѣхали въ

Новички. Въ Новичкахъ былъ сдѣланъ осмотръ во всѣхъ гумнахъ, сараяхъ, стогахъ и баняхъ съ такою осторожностью и тишиною, что даже не проснулась ни одна собака; затѣмъ, окруживъ конвоемъ домъ Никандра Семенова, произвели въ немъ самый строгій осмотръ, но ни Шустенка, ни Соколова не оказалось.

Послѣ неудачнаго обыска, былъ не менѣе неудаченъ и допросъ. Вся семья твердила въ одно слово, что не только никогда не принимала у себя Шустенка и Соколова,—даже и не слыхивала о нихъ. Подъ шумокъ, во время спроса жены и тещи Никандра Семенова,—конвойные схватили сына его, свѣсившагося за окно, чтобы выскочить на улицу, и какъ объяснилось дѣло, намѣревавшагося, по приказанію отца, сбѣгать къ сосѣду извѣстить его объ угрожавшемъ обыскѣ. Задержавъ на всякій случай подъ арестомъ Семенова, понятые пошли къ сосѣду, но и здѣсь была та же неудача. Сосѣдъ Семенова, Матвѣй Григорьевъ, видимо струсившій, на допросѣ, отзываясь незнаніемъ Шустенка, между прочимъ, проговаривался, что «это все повадки Никашкины»... Въ задней избѣ его былъ найденъ еще теплый самоваръ, неубранныя чашки и опорожненный полуштофъ; когда на нихъ было обращено вниманіе, то Григорьевъ вдругъ заговорилъ грубо и отрывисто, что онъ ничего не знаетъ и о повадкахъ Никашкиныхъ ничего не говорилъ. Вообще по нравственному настроенію всѣхъ этихъ лицъ было видно, что они и хотѣли бы сказать правду, но чувствовали, что сами подвергались бы за нее жестокой мести разбойниковъ, непопавшихъ еще въ руки правосудія. По заарестованіи Григорьева, всѣ отправились къ третьему сосѣду, Ивану Артемьеву...

Изъ всѣхъ трехъ жителей деревни Новичковъ — Артемьевъ оказался сговорчивѣе всѣхъ: ему, повидимому, надоѣла игра съ Шустенкомъ, отъ посѣщеній котораго онъ не предвидѣлъ въ близкомъ будущемъ для своей деревни ничего утѣшительнаго. Чтобы разомъ положить конецъ всѣмъ непріятностямъ, онъ рѣшился разсказать все, что зналъ о разбойникахъ, и показаніями его вполнѣ подтвердилось предположеніе, что Шустенокъ и Соколовъ въ Новичкахъ—свои люди. Болѣе другихъ былъ близокъ съ разбойниками Никандръ Семеновъ, который съ 7-го сентября безпросыпно пьянствовалъ съ ними, принималъ въ своемъ домѣ во всякое время, угощалъ какъ лучшихъ гостей и вообще давалъ у себя имъ полнѣйшую свободу дѣйствій. Разбойники до такой степени акклиматизировались въ Новичкахъ, что шли туда какъ домой, и не считали за преступленіе стрѣлять изъ своихъ двух-

стволокъ даже по избѣ Ивана Артемьева. За несолидарность взгляда съ прочими сосѣдями на это гостепріимство, Шустенокъ и Соколовъ заявляли неудовольствіе на Артемьева и угрожали испепелить все его имущество; поэтому Артемьевъ, разсказавши всю истину о связи своихъ сосѣдей съ разбойниками, просилъ поимщиковъ не оставлять его въ Новичкахъ, а взять въ городъ въ качествѣ обвиняемаго, чтобы не дать повода къ мести. Просьба его была исполнена. Въ два часа ночи, поимщики вновь направились къ постоялому двору и по дорогѣ производили тщательные осмотры стоговъ, раскиданныхъ въ сторонѣ отъ дороги, и наконецъ прибыли опять на постоялый дворъ, съ прежней же осторожностью. Произведя повсюду обыскъ, они нашли въ гумнѣ неубранный боченокъ изъ-подъ водки, мѣрою въ четверть ведра, и пустой полуштофъ, глиняную чашку, тарелку и стаканъ. По сличеніи этой посуды — тарелки, чашки и стакана съ имѣвшимися на постояломъ дворѣ, оказалось, что всѣ они одного сорта, и что, слѣдовательно, посуда эта была принесена въ гумно отъ содержателя двора, котораго въ это время не было дома. Сынъ же его, на вопросъ, зачѣмъ ихъ посуда валяется въ гумнѣ, отвѣтилъ положительно, что найденная тамъ посуда вовсе не принадлежитъ имъ, а какъ и откуда она попала туда, онъ не могъ сказать ничего. Такимъ образомъ, подозрѣніе всѣхъ этихъ лицъ въ пристанодержательствѣ, какъ на основаніи показанія Ивана Артемьева, такъ и нѣкоторыхъ данныхъ, обнаруженныхъ обысками, подтверждалось, почему былъ заарестованъ и сынъ содержателя постоялаго двора. Уѣзжая въ городъ, И. А. Волковъ распорядился оставить въ двухъ болѣе надежныхъ пунктахъ 14-ть человѣкъ солдатъ, и командировалъ одного изъ становыхъ приставовъ и полицейскаго надзирателя, для бдительнаго надзора за всею окрестностью, мѣстности отъ старорусской границы до г. Холма. Мѣра эта была одна изъ самыхъ существенныхъ, какъ для безопасности населенія этой мѣстности, такъ и для охраненія селеній отъ поджоговъ, на которые такъ были незастѣнчивы Шустенокъ съ Соколовымъ. По прибытіи въ Холмъ, всѣ заарестованныя лица вновь допрошены, и всѣ, кромѣ Григорьева, сознались, что ведутъ знакомство съ разбойниками, и что дѣйствительно они въ описанную ночь, съ вечера, пьянствовали вмѣстѣ съ ними на постояломъ дворѣ. Тогда же явились купцы Челпановъ и Ив. Ив. Томилинъ съ полученными письмами отъ разбойниковъ. Что письма эти не были какою-нибудь шуткою или желаніемъ постращать купцовъ, доказывается какъ нельзя лучше тѣми

данными, которыя удалось добыть И. А. Волкову въ этотъ вечеръ посредствомъ слѣдующихъ допросовъ арестованныхъ крестьянъ.

Утромъ 6-го сентября, — показывали крестьяне, — въ деревню Новички явились Шустенокъ и Соколовъ къ Никандру Семенову, какъ къ прежнему знакомому Шустенка. Встрѣча была веселая, и Никандръ, припоминая прошлое удалое житье-бытье Степы съ Шустовымъ, предложилъ разбойникамъ хлѣбъ-соль. Какъ водится у русскихъ хлѣбосоловъ, явилась за столомъ водка, за водкой откровенная бесѣда, изъ которой всѣ увидѣли ясно, что имѣютъ дѣло съ бѣглымъ каторжникомъ и ссыльнымъ. Угостившись въ Новичкахъ, разбойники, вмѣстѣ съ Семеновымъ, пожелали навѣстить прежнія ухожья, побывать въ ближайшихъ окрестностяхъ Холма, но на дорогѣ встрѣтили Антипа Кузьмина, сына содержателя постоялаго двора въ Чекуновѣ, и дальше не пошли. Антипъ затащилъ всѣхъ къ себѣ, угостилъ чайкомъ и съѣздилъ въ городъ за наливкой. Началось пьянство, и, въ пылу похвалокъ своими подвигами, Шустенокъ подалъ мысль, что недурно бы было потребовать съ кого-нибудь въ Холму контрибуцію, за право свободнаго проѣзда холмскихъ жителей по старорусской дорогѣ. А такъ какъ мысль эта была уже не новая и польза испытывалась отъ ея осуществленія множество разъ, то, конечно, нельзя было и ожидать отъ кого-нибудь протеста; Антипка даже подслужился: добылъ изъ божницы бумагу и карандашъ—и письма, подъ редакціей отставного откупного повѣреннаго Тиханова, а въ лѣсной жизни—Соколова, были готовы. Послать письмо къ Томилину догадался самъ Шустенокъ, знавшій чуть не весь Холмъ, а къ Челпанову—надоумилъ обратиться Антипъ, причемъ, на случай неисполненія требованія Челпановымъ, обѣщалъ указать ближайшую тропинку къ его стогамъ... Отправивъ письма, друзья пошли почевать въ Новички, и, не безпокоя сонныхъ обывателей, устроили себѣ ночлегъ въ лѣсу, въ одонкѣ сѣна. Утромъ, они явились на приглашенный завтракъ къ сосѣду Семенова, Матвѣю Григорьеву, а отъ этого—осчастливили своимъ посѣщеніемъ и третьяго сосѣда, Ивана Артемьева. Но, такъ какъ Артемьевъ оказался поскупѣе другихъ, то разбойникамъ пришлось воспользоваться лишь одною его услугою,—именно, удалось упросить съѣздить за наливкой, на какую потребу и отпустилъ изъ собственнаго кармана Иванъ Васильевичъ Тихановъ три рубля. Угостившись у Артемьева, всѣмъ кагаломъ—и гости, и хозяева—пошли опять къ Матвѣю Григорьеву, опять послали за наливкой, и, напившись, опять же почевали на прежнемъ ночлегѣ. 8-го сентября, въ Новички пріѣхали холмскіе мѣщане, Дьяконовъ и

Примакинъ, и остановились у Никандра Семенова. Вѣрный своему призванію, Семеновъ тотчасъ же сообщилъ объ этомъ Шустенку и посовѣтовалъ отправить съ ними другія письма, не надѣясь, что первыя дойдутъ по адресу. Совѣтъ былъ исполненъ. Познакомясь поближе, случайные посѣтители догадались, что имѣютъ дѣло съ людьми самаго лихого по́шиба, струсили, и тутъ же заискивающимъ тономъ запѣли на тему о «четвертухѣ». Примакинъ былъ давно извѣстенъ Шустенку, съ которымъ они видались еще въ Перегинѣ, на родинѣ его, и, слѣдовательно, прикидываться незнайкой было неудобно. Предложеніе испить было принято общимъ голосомъ. Но такъ-какъ Шустенокъ не отчаявался за вѣрную доставку первыхъ писемъ въ Холмъ, въ которыхъ предлагалось доставить деньги восьмого числа къ чекуновскому постоялому двору, то онъ и предложилъ поѣхать покутить поближе къ Холму — въ Чекуново. Здѣсь Антипъ, вѣроятно изъ предосторожности, чтобы не навлечь на себя подозрѣнія въ сообщничествѣ съ темными личностями, не пустилъ ни Шустова, ни Соколова въ комнаты, а указалъ имъ мѣсто на травѣ, у самаго гумна.. Хвативши на вольномъ воздухѣ не въ мѣру сивухи, холмскіе гости нѣсколько поосмотрѣлись и сдѣлались общительнѣе съ новыми знакомыми. Здоровая выпивка и новый человѣкъ непремѣнно располагаютъ къ излишней болтовнѣ; а если при этихъ условіяхъ да подвернется подъ руку какая-нибудь для разговора больная тема,—человѣкъ совершенно дурѣетъ, входитъ въ азартъ и не помнитъ, что́ говоритъ. Такъ точно случилось съ Дьяконовымъ и Примакинымъ. Въ ту пору, почти весь Холмъ былъ поголовно вооруженъ противъ тогдашняго городского головы И. Б.; о немъ писали въ газетахъ, доносили, производили слѣдствіе за слѣдствіемъ, но онъ все оставался твердъ, какъ скала, возсѣдая на своихъ финансовыхъ твердыняхъ... Это раздражало почти весь городъ, а въ томъ числѣ и Дьяконова съ Примакинымъ.

— Вы не знаете нашего Б.? — спросилъ Дьяконовъ у Шустенка.

— Какъ не знать... Знаемъ всѣхъ... отвѣтилъ пьяный бродяга.

— Вотъ деньжищъ-то!.. удивленно воскликнулъ собесѣдникъ. — Страсть!..

— Д-да, — промычалъ флегматично Шустенокъ, — у васъ есть по купцамъ деньги...

— Вотъ бы пощупать-то... домекнулъ Дьяконовъ. — А стоило-бъ, потому человѣкъ онъ не мірской—не общественный... А какъ разъ кстати—онъ долженъ скоро здѣсь проѣзжать.

— Увидимъ—не спустимъ; а не увидимъ — въ другой разъ не пропустимъ... А скупъ онъ?

— Кащей!

— Ахъ, штобъ ево!.. Слышь, Соколкъ?

— Слышу.

— А общество-то наше какое бы вамъ спасибо сказало!.. То-есть и вотъ какъ!.. проговорилъ Дьяконовъ, отмѣряя порцію «спасибо» по самое горло.

Шустенокъ съ Соколовымъ намотали себѣ эту болтовню на усъ. Уничтоживъ запасъ водки, Дьяконовъ и Примакинъ отправились въ Холмъ. На дорогѣ имъ попался на-встрѣчу, тутъ-же, у постоялаго двора, прикащикъ головы, холмскій мѣщанинъ Никандръ Шеляпинъ. Остановивъ его, они посовѣтовали не ѣздить ему дальше, предупреждая, что на дорогѣ не совсѣмъ тихо. Но когда Шеляпинъ не обратилъ на ихъ слова вниманія, то Дьяконовъ свиснулъ, и изъ-за куста вышелъ на дорогу Соколовъ. Разспросивъ у Шеляпина, кто онъ и куда ѣдетъ, Соколовъ, уходя обратно въ кусты, посовѣтовалъ прохожему держать себя поскромнѣе, а языкъ—на привязи.

— Коли ты прикащикъ головы, такъ поѣзжай, — да знай, что ты меня не видалъ и я тебя тоже!.. Понимаешь?.. прикрикнулъ онъ грозно на испуганнаго парня. Едва Шеляпинъ тронулъ лошадь, какъ изъ-за другого куста выскочилъ Шустенокъ, и остановивъ его, удостовѣрился самъ, что передъ нимъ дѣйствительно сидитъ на лошади человѣкъ, у котораго нѣтъ за своей душой собственнаго гроша. Повторивъ фразу Соколова и пригрозясь двухстволкой, онъ медленно побрелъ въ кусты. Вечеромъ, не дождавшись отвѣта на письма, всѣ — гости и хозяева, отправились въ Новички, но уже эту ночь не пьянствовали, а смирно пили чай у Матвѣя, затащивъ съ собою дочь содержательницы кабака, на самой границѣ Старорусскаго уѣзда, изъ деревни Яблоновки, Александру. Ночевать отправились на прежнее логовище въ стогъ, но ночью случилась такая окказія, отъ которой даже набрались страха сами разбойники и, выбравшись изъ стога, сочли за лучшее удалиться подальше отъ селенія. Причина, испугавшая ихъ—случившійся пожаръ въ гумнѣ Григорьева, и вслѣдствіе этого крики: «караулъ»... Пожаръ случился отъ поджога уже въ то время, когда, послѣ обыска, новичковскіе домохозяева были отправлены въ городъ, а въ избѣ Никандра Семенова сидѣли солдаты. Не зная этого послѣдняго обстоятельства, на разсвѣтѣ Соколовъ подошелъ тихо къ двору Григорьева, и чтобы вызвать къ своему прибытію вниманіе,

сталъ бросать легкими камнями въ заборъ. Жена Матвѣя, услыша стукъ, поспѣшила къ Соколову и разсказала, что ночью были изъ города поимщики, что Никандръ Семеновъ и ея мужъ заарестованы и уведены въ городъ и что въ Новичкахъ оставлено много солдатъ. Сообразивъ всю опасность своего положенія, Шустенокъ съ товарищемъ, не медля ни минуты, лѣсомъ, только имъ извѣстными тропинками благополучно перебрались въ Старорусскій уѣздъ, избравъ своимъ обычнымъ притономъ яблоновскій кабакъ.

Такъ окончилась попытка этихъ бродягъ, укрѣпить свое гнѣздо въ Холмскомъ, уѣздѣ; но за то они почувствовали себя очень свободными въ Старорусскомъ, — впрочемъ не надолго.

До какой степени были наивны холмскіе купцы, получая отъ Шустенка письма, можно видѣть изъ того воззрѣнія, опираясь на которое купецъ первостатейный, И. И. Томилинъ, не рискнулъ представить въ полицію присланнаго ему письма Шустенкомъ изъ Чекунова. Письмо это принесъ Томилину мѣщанинъ Кособрюховъ и, подавая его, пояснилъ отъ кого оно и съ какимъ требованіемъ.

— Нужно бы, братецъ, отправить тебя въ полицію, но ужъ для праздника — Богъ съ тобой, отвѣтилъ ему добродушный Томилинъ, а между тѣмъ, самъ же задобривалъ Шустенка чайкомъ и сахарцемъ, когда тотъ содержался по Степиному дѣлу и даже не скупился на деньги. Раньше этого случая, Шустенокъ, еще до поимки Степы, вмѣстѣ съ нимъ, уполномочили какъ-то разъ старорусскаго купца Ивана Васильева зайти въ Холму къ Томилину и спросить на ихъ имя 100 руб. Добродушный Иванъ Ивановичъ, вмѣсто того, чтобы отправить этого посла куда слѣдуетъ, хотя пословъ, по пословицѣ «ни казнятъ, ни вѣшаютъ», благодушно только постращалъ его острогомъ.

— Ну, хорошо, братъ, что ты намъ знакомъ,—возразилъ Иванъ Ивановичъ,—а то тебя слѣдовало бы отправить въ *Дерюгино заведеніе...* [1]), т.-е. въ острогъ. Если нужны имъ деньги, то пусть сами придутъ...

Наивность эту можно объяснить лишь тѣмъ, что сто рублей отдать бродягамъ тотчасъ же—жалко; а посла ихъ представить по начальству—опасно; вдругъ бродяги отмстятъ. Держась же середины, можно надѣяться, что какъ-нибудь дѣло и уладится.

---

[1]) Острогъ, строителемъ котораго былъ нѣкто Дерюгинъ.

II.

Деревня Яблонозка, и тотъ знаменитый кабакъ, гдѣ устроили себѣ безопасную берлогу вытѣсненные изъ Холмскаго уѣзда разбойники, расположена недалеко отъ границы уѣзда. Безучастное отношеніе старорусской полиціи къ дѣятельности Шустенка и Соколова, пользовавшихся безнаказанною свободою творить свою волю, поощряло ихъ своеволіе, и дорога отъ Русы до Холма продолжала оставаться большою, но не проѣздною. Жителямъ Холма нисколько не было легче оттого, что Шустенокъ съ товарищемъ оставили ихъ уѣздъ. Развѣ не все равно удовольствіе быть ограбленнымъ, въ Холмскомъ, или въ Старорусскомъ уѣздѣ?..

Сознавая, что дѣло преслѣдованія этихъ безпокойныхъ господъ не кончено и что безопасность пути для проѣзжихъ необезпечена, И. А. Волковъ донесъ графу Палену подробно о положеніи дѣла, просилъ его сдѣлать сношеніе съ новгородскою администраціею, и высказалъ при этомъ полное недовѣріе къ представителямъ старорусской полицейской власти. Благодаря этому представленію Волкова, новгородскій губернаторъ, вслѣдствіе сношенія съ нимъ графа Палена, поручилъ преслѣдованіе разбойниковъ ассессору новгородскаго губернскаго правленія. Дѣйствительно, не представлялось никакой возможности полагаться на такую полицію, которая въ теченіе семи слишкомъ лѣтъ спокойно созерцала продѣлки бѣглецовъ, у себя подъ окномъ, и не ударила пальцемъ о палецъ для того, чтобы умѣрить разбойническую дѣятельность бродягъ. Мы уже имѣли случай упоминать выше, что даже и знаменитый богатырь Степа захваченъ не по иниціативѣ старорусской полиціи, а просто потому что онъ вывелъ изъ терпѣнія мѣстныхъ крестьянъ. Та же безнаказанность и невниманіе къ появленію Шустенка характеризовали старорусскаго исправника и становыхъ приставовъ теперь. И такое-то положеніе дѣла давало право И. А. Волкову продолжать начатое дѣло въ чужомъ уѣздѣ.

Чрезъ нѣсколько дней онъ получилъ увѣдомленіе, что разбойники держатся въ Яблоновкѣ. Свѣдѣніе это сообщилъ ему полицейскій надзиратель Изборскій, остававшійся въ Новичкахъ и собиравшій достовѣрныя данныя о мѣстѣ пребыванія бѣглецовъ. Дознаніе надзирателя обнаружило, что на 10-е сентября ночью, проѣздомъ изъ Старой Русы, холмскіе мѣщане Никифоръ Кошкинъ и Петръ Савинъ Кляпинъ остановились въ яб-

лоновскомъ кабакѣ кормить лошадей. Подъѣзжая къ кабаку, они видѣли въ немъ огонь, но едва постучались въ дверь, мгновенно огонь погасъ, и кабатчица встрѣтила пріѣзжихъ съ недовольнымъ видомъ. Холмичи съ трудомъ упросили ее дозволить выпречь лошадей подъ окномъ, но чтобы войти въ кабакъ нечего было и рѣчей тратить, — хозяйка дѣлала видъ, что не узнаетъ проѣзжихъ. Наконецъ, спустя четверть часа, она ахнула отъ удивленія, увидя Кошкина и поспѣшила отворить ворота. Въѣхавъ во дворъ Кляпинъ не безъ испуга увидѣлъ, что изъ избы вышли двое мужчинъ въ красныхъ рубашкахъ, въ плисовыхъ шароварахъ и суконныхъ сибиркахъ, съ двустволками за плечами, съ ножами и пистолетами за поясомъ, и направились въ хлѣвъ. Убравши лошадь, Кляпинъ вошелъ въ избу, гдѣ уже сидѣлъ Кошкинъ, а хозяйка, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ проѣзжихъ, пригласила сюда же Шустенка и его товарища. Они вошли вѣроятно для того, чтобы посмотрѣть кто проѣзжіе.

— Ты Кошкинъ?.. спросилъ одного изъ проѣзжихъ Шустенокъ.

— Кошкинъ... отвѣчалъ холмичъ.

— Ну, вамъ своя дорога, а намъ своя... до свиданія!.. и съ этими словами они вышли вонъ.

Холмичи остались ночевать. Но плохо спалось ночью имъ. Близкое сосѣдство подозрительныхъ лицъ не выходило изъ головы; едва начнетъ одолѣвать котораго-нибудь дремота, какъ вдругъ представляется кустъ, за кустомъ кто-то ворочается,—точно внимательно въ кого-то всматривается, и вдругъ высовываются два ствола длиннаго охотничьяго ружья... Дремота пропадаетъ и начинается разговоръ.

— Дядюшка Микифоръ, ты не спишь?—спрашиваетъ Кляпинъ.

— Нѣтъ... А ты?.. переспрашиваетъ Кошкинъ.

— Не до сна мнѣ!..

— Знаешь, Петруха, поѣдемъ... Ей-Богу лучше будетъ!.. подзываетъ Кошкинъ, боясь повернуться на лавкѣ.

— Я и самъ тожъ думалъ... Да ладно-ль будетъ?.. Здѣсь все-жъ на дорогѣ, да въ жильѣ; а либо и ничево... На бую-то вѣдь хуже;—тамъ вольнѣе,—отвѣтилъ Кляпинъ, прикрывая трусость разумнымъ размышленіемъ, и оба на нѣсколько минутъ умолкали. Не проходило полчаса, какъ разговоръ начинался вновь.

— Пётра,—а Пётра!.. Слушай, — Кляпинъ!.. взывалъ Кошкинъ.—Ты спишь?..

— Сплю... отвѣчалъ Кошкинъ, не смыкая глазъ.

— А вѣдь, чудакъ, наше дѣло хуже всѣхъ... Мнѣ все грезится, что намъ не сдобровать,—продолжалъ Кошкинъ.

— Ничево, значитъ, теперь не подѣлаешь... не надо было мѣшкать въ Поддорскомъ кабакѣ... утѣшалъ его товарищъ.

Такъ пробесѣдовали проѣзжіе сосѣди цѣлую ночь, вздыхая и крестясь, поворачиваясь съ бока на бокъ. Наконецъ, въ маленькое кабацкое окно блеснулъ первый, слабый лучъ осенняго утра, и Кляпинъ началъ будить хозяйку.

— Вотъ наказанье-то господне послано на меня севодни!.. ворчала хозяйка въ своей «казенкѣ»—небольшой комнатѣ, отгороженной досчатой перегородкой отъ общей комнаты.—И что это за нелегкое здымаетъ васъ?.. Всю-то ночь на пролетъ не дадутъ глазъ сомкнуть!..

— Да время ѣхать—свѣтъ!.. Надо пораньше домой,—отвѣчалъ заискивающимъ тономъ Кляпинъ.

— Чортъ васъ тискалъ—ночевать тутъ, и убирались бы съ вечера,—продолжала полушопотомъ хозяйка... Никто васъ и не держалъ!

— Ну—ладно; не сердись, зажги огонечку...

— Выдувайте сами въ ямкѣ... а нѣтъ—ждите Шустенка—онъ принесетъ,—проговорила съ дерзостью озлившаяся кабатчица, видимо кичившаяся авторитетомъ гостившихъ у нея разбойниковъ.

Дѣлать было нечего; Кляпинъ кое-какъ зажегъ фонарь и тихо, безъ шума отправился поить и запрягать лошадь. Покуда онъ ворочался на дворѣ, мазалъ телѣгу и запрегъ лошадь, разсвѣло настолько, что уже не было нужды въ фонарѣ. Кошкинъ сидѣлъ на лавкѣ и, крестя зѣвающій ротъ, посматривалъ съ нетерпѣніемъ въ окно, ожидая, когда подъѣдетъ къ окну телѣга. Вдругъ дверь отворилась, и на порогѣ показались двѣ фигуры въ измятыхъ синихъ сибиркахъ, Шустенка и Соколова, въ сборкахъ платья которыхъ по мѣстамъ виднѣлось оставшееся сѣно: почему можно было догадаться, что они ночевали тутъ же гдѣ-нибудь на сѣновалѣ.

— А что господа купцы проѣзжіе, я спрошу васъ,—знаете вы Миколая Семенова Дьяконова?—спросилъ Соколовъ.

— Сосѣдъ,—какъ не знать,—отвѣтилъ Кошкинъ.

— Скажите, что ему дѣлать такъ не годится... Онъ пилъ наше же вино, нашимъ же добромъ угощался, да за хлѣбъ-за соль намъ и напакостилъ... Что мы ему сдѣлали, что онъ выдалъ нашъ притонъ въ Новичкахъ вашему исправнику?.. Мы ему этого по гробъ-жизни не забудемъ... Такъ ему и передайте,

что, молъ Шустовъ съ Соколовымъ велѣли тебѣ поклонъ отдать, да совѣтовали на дорогѣ имъ не попадаться...

— А вино повезетъ изъ Русы въ свой кабакъ, такъ скажите, что бочки съ виномъ не видать ему, какъ своихъ ушей.. — Такъ и скажите, подтвердилъ Шустенокъ. А сами-то начальству своему—ни слова!.. Видѣлъ—не видалъ; слышалъ—не слыхалъ!... А то—разсчетъ будетъ короткій...

— А отъ меня свезите записочку Ивану Ивановичу Томилину, и скажите ему, что обманывать добрыхъ людей нечестно... Онъ добра нашего не помнитъ; третій разъ наказываемъ, чтобы прислалъ денегъ, а онъ все жмется... А вѣдь постройка его цѣла... у другова — давно-бъ одни головешки были, а ему все спускается... Ну, да коли этотъ разъ заупрямится, такъ можетъ—не досчитается котораго ни на есть изъ братьевъ... вѣдь они, надо быть, скоро поѣдутъ изъ Питера,—пригрозилъ Соколовъ.

Въ это время къ окну выѣхала изъ двора телѣга, и Кошкинъ, распрощавшись съ добрыми людьми и гостепріимной хозяйкой, отправился съ Кляпинымъ въ Холмъ. Въ Новичкахъ, они передали и записку Соколова на имя Томилина и все, что видѣли и слышали въ Яблоновкѣ, надзирателю Изборскому.

Получивъ вечеромъ 10-го сентября эти свѣдѣнія, И. А. Волковъ предложилъ холмскимъ охотникамъ удовольствіе поохотиться на Шустенка съ Соколовымъ, и вмѣстѣ съ начальникомъ мѣстной команды отправились 11-го числа послѣ обѣда къ Яблоновкѣ. Компанію составляли кромѣ ихъ шесть человѣкъ охотниковъ, странникъ-прохожій и Дьяконовъ въ телѣгѣ съ наливкой и другими винами. Въ Новичкахъ присоединилась къ нимъ оставленная тамъ 8-го числа команда, объ отозваніи которой въ городъ уже былъ пущенъ слухъ. Нѣкоторые охотники вызвались играть роль гуртовщиковъ, торговали дорогой сѣно и луга для пастбищъ, а Дьяконовъ дѣлалъ видъ, что везетъ въ свой кабакъ различное «питіе». Чтобы замаскировать все дѣло, Дьяконову была передана записка отъ Челпанова къ Шустенку, въ которой онъ просилъ разбойника—помириться съ нимъ на половинѣ требуемой суммы и извинялся, что изъ страха встрѣтиться съ нимъ, не рискуетъ лично явиться къ нему на поклоненіе. Кромѣ письма, онъ долженъ былъ отъ Челпанова же имени преподнести разбойникамъ, въ видѣ особаго дара, двѣ бутылки коньяку и четверть наливки. Странникъ-прохожій и Дьяконовъ должны были прибыть въ яблоновскій кабакъ раньше всѣхъ, и еслибы нашли тамъ Шустенка съ его другомъ, то затѣять съ ними

пьянство; а въ противномъ случаѣ должны были послать за ними. Въ случаѣ неудачи — къ нимъ должны были заѣхать гуртовщики, и если бы предположенное пьянство устроилось, то, по условленному сигналу, должно было приступить къ поимкѣ злодѣевъ.

Но, «домашняя дума—въ дорогу не годится», говоритъ народная мудрость, и къ сожалѣнію эта пословица оправдалась вполнѣ. Не доѣзжая трехъ верстъ до Яблоновки, поимщики повернули съ дороги въ сторону и пѣшкомъ пробравшись къ самому кабаку, тихо усѣлись въ кустахъ, выжидать послѣдствій отъ первоначальнаго выполненія плана. Нетерпѣніе поимщиковъ росло съ каждымъ часомъ, и И. А. Волковъ, чтобы удостовѣриться, есть ли какая-нибудь надежда на успѣхъ, подходилъ тихо къ кабаку и подслушивалъ происходившій тамъ разговоръ.

— Ты меня и не морочь!.. кричала хозяйка; ты «сподсылу» пришелъ... Чортъ бы тебя понесъ въ этакую пору на поклонъ къ Шустенку...

— Да вѣдь намъ, я думаю, жалко свово-то доброво, — ты то посуди... Не приди я севодни,—завтра, можетъ быть, у меня дома ни кола ни двора не останется... По неволѣ идешь... Нѣтъ, голубушка, клинъ-то и не хочетъ въ щель, да лѣзетъ, коли обухъ гонитъ... Ужъ ежели нѣту ихъ тутъ, такъ послала-бъ; пусть бы пришли...

— Не звони пустова... отрѣзала сердито холмичка; — ты думаешь, я не знаю ничево, что въ Новичкахъ третёво-дни было... Накось тебѣ, какой умникъ... Добрыхъ-то людей не только Ѳома да Еремей; у насъ вѣдь проѣздная дорога, все знаю...

— Да знать, почитай, нечево... Извѣстно, постращали маленько, да все по пустякамъ,—пытался Дьяконовъ успокоить кабатчицу, но та была пуганая ворона.

— Что и говорить — по пустякамъ!.. Нѣтъ, дай Богъ здоровья поддорскому ямщику; старикъ возилъ ково-то вашихъ на Каменку — все вызналъ; прямо говоритъ: молодица, поопасись — поимка будетъ... Цѣлая, говоритъ, команда идетъ...

Надежда оказалась напрасной, какъ показали послѣдствія; вѣсть о предполагавшейся поимкѣ въ этихъ краяхъ разбойниковъ и объ обыскѣ въ яблоновскомъ кабакѣ проникла въ общество совершенно случайно. Крестьянинъ, привозившій къ исправнику письмо изъ Новичковъ отъ надзирателя, не нашелъ его дома и съ вѣстовымъ отправился искать его по городу, провозглашая всюду, что нуженъ исправникъ по очень важному дѣлу; что грабителей нашли въ Яблоновкѣ. Въ городѣ, конечно, заговорили, и слухъ разлетѣлся быстро. Кабатчица же яблонов-

ская, сама холмская мѣщанка, вдова Орѣхова, знавшая всѣхъ и каждаго, очевидно, не могла относиться безучастно ко всему творящемуся въ ея родномъ пепелищѣ.

Видя, что весь планъ, основанный на секретѣ, разлетѣлся отъ одного прикосновенія къ нему дѣйствительности, поимщики должны были измѣнить образъ дѣйствій, и, перебравшись всѣ къ самому кабаку, стали зорко наблюдать, не придетъ ли кто къ Орѣховой провѣдать — все ли тутъ тихо. Наблюденія на новой позиціи, если не открыли присутствія бродягъ, то все-таки были не безполезны тѣмъ, что открыли одного важнаго сообщника ихъ, на солидарность дѣйствій котораго съ Шустенкомъ никто бы не могъ разсчитывать. Часовъ въ двѣнадцать ночи, изъ Холма проѣзжалъ содержатель кабака въ селѣ Поддорьѣ съ содержательницею кабака въ деревнѣ Сокольскѣ. Проводникомъ у нихъ былъ изъ той же деревни крестьянинъ Илья, везшій водку; всѣ они были пьяны и, не стѣсняясь, шумѣли и спорили во весь голосъ. У кабака они остановились и, бросивъ телѣги, пошли въ кабакъ, оставивъ караульнымъ при лошадяхъ полевого сторожа, охраняющаго на большой дорогѣ ворота, крестьянина «Лукашку». Это былъ старикъ съ изуродованными ногами, горькій пьяница и самый искренній помощникъ въ дѣлахъ Шустова. Сидя у воротъ днемъ и ночью, въ шалашѣ, покрытомъ дерномъ, онъ высматривалъ бдительно, какъ волкъ по сторонамъ, и если замѣчалъ приближеніе проѣзжаго или пѣшехода, стучалъ палкою о ворота, и вѣчно запертыя на крюкъ двери кабака тотчасъ же отворялись, а Шустовъ съ Соколовымъ уходили изъ избы въ хлѣвъ, чтобы съ бо́льшей предосторожностью высмотрѣть добычу. Стукомъ палки онъ извѣщалъ только о тѣхъ путникахъ, которыхъ не досматривалъ издали, а о дальнихъ, — непремѣнно ходилъ въ кабакъ рапортовать лично. Поддорскій кабатчикъ приглашалъ въ кабакъ и Лукашку, но старикъ, несмотря на страсть къ пьянству, не пошелъ; кабатчикъ хотѣлъ выслать водки на улицу, но упрямый дѣдъ грубо отказался; видно было, что онъ почему-то не нуждается въ любезности проѣзжаго кабатчика. Путники пробыли въ кабакѣ часа два, и въ теченіе этого времени вдова Орѣхова довольно часто выбѣгала къ Лукашкѣ и о чемъ-то съ нимъ шепталась. Далеко за полночь они отправились въ путь и, уѣзжая, кабатчикъ закричалъ Лукашкѣ: «Я Шустовыхъ вашихъ не боюсь, пусть выходятъ!.. Видали мы ихъ!..» Сопровождавшій же водку крестьянинъ Илья, отставъ отъ товарищей, о чемъ-то тихо и долго разговаривалъ съ Лукашкой. Затѣмъ старикъ полѣзъ въ свою придорожную нору и на дорогѣ наступила мертвая тишина.

Передъ свѣтомъ, надѣясь еще все, что, быть можетъ, разбойникамъ понадобится узнать положеніе дѣлъ въ ихъ притонѣ, И. А. Волковъ рѣшился обойти старика, а главнымъ образомъ, опасаясь, чтобы Шустенокъ не прошелъ къ шалашкѣ по другую сторону изгороди и не переговорилъ съ Лукашкой, онъ самъ пошелъ къ нему и нашелъ его сладко дремлющимъ. Костюмъ дозволялъ Волкову выдавать себя за мѣщанина, и онъ обратился къ дѣду съ словами, поддѣлываясь подъ нарѣчіе холмскихъ мѣщанъ.

— Что, дидушка, не спишь?—спросилъ онъ Лукашку, влѣзая въ шалашъ.

— Не сплю... а тебѣ што?.. отвѣтилъ онъ грубо.

— Да какъ, — можно-ль съ тобой погомонить по откровенности?..

— Гомони себѣ, — мнѣ што...

— Да у тебя тутъ нѣту никого лишняго?..

— Какъ не быть? Развѣ евтакую тьму можно безъ лишняго?.. Есть колъ про вашего брата — проходимцевъ...

— Зачѣмъ же колъ?.. Либо и пригодимся другъ другу... Скажи-ка лучше, нельзя ли мнѣ поговорить съ Егоромъ Шустовымъ?.. Есть дѣло хорошее...

— Поди, поди... Какой тутъ Шустовъ!.. никакого я такого не знаю... Иди куда идешь...

— Ну, такъ вызови ко мнѣ Василису (кабатчицу).

— Не мое дѣло ввязываться въ ваши дѣла, — отвѣтилъ Лукашка такимъ тономъ, что, не зная его связи съ Шустенкомъ, нельзя бы было имѣть и тѣни подозрѣнія объ этой связи. Давши такой отвѣтъ, онъ затѣялъ-было кричать караулъ, но ладонь заградила ему сильный органъ и въ одно мгновеніе старый плутъ былъ, съ зажатымъ ртомъ, оттащенъ отъ дороги въ сторону саженъ на двѣсти, изъ опасенія, чтобы крикомъ своимъ не обратилъ на поимщиковъ вниманія тѣхъ, кому менѣе всего нужно было знать о ихъ присутствіи здѣсь. Лукашка притворился недышущимъ и потерявшимъ сознаніе, но когда погрозились его выдрать, онъ не только проявилъ признаки жизни,—даже заговорилъ. Перебирая всѣхъ святыхъ, Богородицу и внучатъ своихъ, онъ клялся самыми страшными клятвами, что не только не знаетъ Шустенка и Соколова, но даже и не слыхивалъ о нихъ, и узнаётъ о существованіи ихъ только теперь...

На разсвѣтѣ явились Дьяконовъ и странникъ-прохожій, и загадка, изъ какихъ источниковъ Орѣхова узнала о предполагавшемся у нея обыскѣ—разъяснилась. Племянникъ ея, холмскій

же мѣщанинъ Иванъ Васильевъ Примакинъ, бывши въ Каменкѣ (въ 7-ми верстахъ отъ Новичковъ, послѣдняя станція къ Холму), просилъ поддорскаго ямщика предупредить объ этомъ тетку. Такимъ образомъ, и эта поѣздка холмскихъ поимщиковъ не достигла цѣли; а между тѣмъ старорусская полиція благодушествовала въ бездѣйствіи: бывшій тогда становой приставъ Р..., какъ видно изъ собранныхъ свѣдѣній холмской полиціей, умышленно не замѣчалъ въ своемъ станѣ присутствія бѣглецовъ, и исключительно посвятивъ себя горькому пьянству, разъѣзжалъ по уѣзду и пилъ водку какъ воду, ковшемъ изъ таза, доказывая этимъ, что онъ непобѣдимъ для Бахуса. И. А. Волковъ, сносясь съ старорусскимъ исправникомъ, указывалъ ему на недостаточность вниманія мѣстной полиціи къ нуждамъ уѣзда, но все было напрасно. Наконецъ, спустя почти мѣсяцъ, когда Шустенокъ съ Соколовымъ, напуганные принятыми къ ихъ поимкѣ мѣрами, поставлены были въ необходимость покинуть большую дорогу и переселиться на Ловать къ Перегину, въ сосѣдство къ родинѣ Шустенка, гдѣ жила его жена, старорусская полиція нагрянула съ войскомъ и поселилась въ Перегинѣ, въ ожиданіи, когда придетъ туда Шустенокъ самъ. Конечно, онъ и не думалъ добровольно лишать себя свободы, а преспокойно, верстахъ въ трехъ отъ бдительныхъ преслѣдователей, опочивалъ каждую ночь благополучно въ деревнѣ Рахлицахъ, куда нерѣдко хаживала къ нему и его жена. Все Перегино было точно на военномъ положеніи. Если жителямъ было непріятно сосѣдство Шустенка, то еще болѣе не нравился имъ постой у себя солдатъ, безполезно проживавшихъ на счетъ крестьянъ. Представители полицейской власти, вѣроятно, предполагая, что Шустенка скрываютъ перегинскіе крестьяне, въ видѣ экзекуціи донимали ихъ подводной повинностью, постоемъ и долговременнымъ харчеваньемъ; жена Шустенка десятки разъ допрашивалась, усовѣщевалась и припугивалась тяжелой отвѣтственностью, если будетъ скрывать мѣстопребываніе мужа; но не помогала и эта мѣра. Время, однако, шло, а о Шустенкѣ не было ни слуха, ни духа; его и слѣдъ простылъ... Жители Перегина хорошо знали, гдѣ Шустенокъ, но никто не рисковалъ сдѣлаться его предателемъ, такъ какъ никто не довѣрялъ ловкости и даже добросовѣстности старорусской полиціи. Каждый думалъ, что Шустенокъ въ ея рукахъ—неуязвимъ для правосудія—и продолжалъ терпѣть экзекуцію, которая не могла быть пріятна вслѣдствіе слишкомъ чувствительнаго убытка, нравственнаго униженія и ежеминутнаго безпокойства за личную безопасность, ибо слова: «острогъ, кандалы и ка-

торга» раздавались въ каждой избѣ. Наша древняя полиція чрезвычайно походила на тѣхъ церковныхъ проповѣдниковъ, которые, не умѣя сказать своимъ слушателямъ двухъ-трехъ толковыхъ словъ, сейчасъ же запальчиво кричатъ съ каѳедры: «идите отъ меня проклятіи во огнь вѣчный, уготованный діаволу и аггеломъ его... и идутъ сіи въ муку вѣчную». Кто не помнитъ, какъ десять лѣтъ назадъ, становые пристава, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ не хватало разума и имѣлась ревность не по разуму, въ каждомъ, въ сущности пустомъ обстоятельствѣ, запальчиво кричали на запуганныхъ и дрожащихъ мужиковъ: «я васъ!.. я васъ—ракаліи!.. въ тюрьму!.. въ каторгу!.. въ кандалы!.. Сгніете въ острогѣ»!.. и т. д. И все это дѣлалось съ цѣлью подслужиться правосудію, открыть преступленіе! Но чего достигали подобные господа, видно изъ перегинской исторіи. Незванные гости—солдаты и полиція, надоѣли крестьянамъ; чтобы отдѣлаться отъ нихъ, необходимо было выдать Шустова,—а какъ его выдать?.. Выдадутъ, а онъ, вдругъ, на другой же день явится опять въ ихъ краю и запалитъ со всѣхъ концовъ деревню, что нерѣдко дѣлывалъ родоначальникъ холмскихъ злодѣевъ «Слизкой»;—что тогда?.. Думали, думали крестьяне и придумали, взять Шустенка имъ самимъ и при себѣ же доставить его въ острогъ.

Не говоря ни слова о своемъ намѣреніи ни солдатамъ, ни полиціи, нѣсколько человѣкъ крестьянъ рѣшились его исполнить. Шустенокъ жилъ въ Рахлицахъ и собирался обезпечить себя на зиму тепломъ. Въ это время у него былъ уже въ качествѣ адъютанта молодой здоровый парень, о связи котораго съ разбойниками еще покуда не зналъ почти никто. Парень исполнялъ всѣ мелкія порученія Шустенка, который посылалъ его въ кабаки, въ деревни, и высматривать проѣзжихъ. Въ ночь съ 22-го на 23-е сентября, Шустенокъ съ Соколовымъ ночевали въ Рахлицахъ, забравшись въ пологъ, повѣшенный въ задней избѣ въ домѣ крайняго жихаря. Они мечтали купить готовую избу и перевезть ее куда-нибудь въ безопасное мѣсто, чтобы не каждую ночь надоѣдать крестьянамъ. Вечеромъ, 22-го сентября, въ одномъ изъ домовъ въ Рахлицахъ, собрались крестьяне, и одинъ солдатикъ-гуляка, ушедшій изъ Перегина, сидѣли и болтали кто о чемъ, не очень уклоняясь, однако, отъ занимавшей всѣхъ мысли, какъ бы поймать Шустенка, да такъ, чтобы ни ружья, ни кинжалы разбойниковъ не пошли въ дѣло. Подъ шумокъ кто-то постучалъ вдругъ въ окно. Крестьяне переглянулись.

— Кто крещшеный?.. спросилъ хозяинъ.

— Свои... отворите... отвѣтилъ голосъ съ улицы.

Дверь отворилась, и въ избу вошелъ молодой парень-франтъ, въ дубленомъ полушубкѣ и въ красной рубахѣ.

— Што-жъ, дядюшка... насчетъ избы-то?.. аль раздумалъ?.. спросилъ парень хозяина.

— Нѣтъ,—не отдумалъ... Да вѣдь надо бы избу-то поглядѣть хорошенько... такъ въ цѣнѣ не сойдемся...

— Не надо смотрѣть, повѣримъ и такъ, только возьми сто двадцать пять... боли не дадутъ,—промолвилъ парень.

— Кто не дастъ?—вмѣшался солдатъ.

— Кому надо... отвѣтилъ грубо парень.

— А можетъ и намъ надо парень отвѣтъ дать,—сказалъ хозяинъ.—Бери его, робяты... надпрокутили ёны намъ... Гомони, гдѣ Шустенокъ съ Тихашкинымъ,—крикнулъ онъ, схвативъ парня за воротъ. Парень струсилъ и сознался, что они въ крайней избѣ.

Не долго думая, всей артелью бросились къ крайней избѣ, вскочили въ нее и съ шумомъ обшарили всѣ углы и закоулки, но не нашли никого. Двое, болѣе смѣлыхъ, открыли «подъизбицу», т.-е., дверь на полу, ведущую подъ полъ, и къ великой радости, увидя тамъ оружіе разбойниковъ, закричали въ восторгѣ—«здѣсь»!.. Живо вытащивъ ружье, они захлопнули дверь, многіе стали на нее и велѣли палить въ окно изъ ружья, чтобы выстрѣломъ дать знать за три версты въ Перегино...

— Пали́, Васька!.. Пали́, жидъ!.. кричали обрадованные крестьяне.

— Зачимъ — робя — палить; зарядъ тратить, — возражалъ Васька.

— Пали́!.. пусь солдаты идутъ... командовала толпа.

Васька отворилъ окно, и выстрѣлъ, направленный на воздухъ, огласилъ деревню... Черезъ минуту кто-то застучалъ дверью въ задней избѣ, дверь отворилась и удивленные крестьяне встрѣтили Соколова-Тиханова.

— Что вы братцы?.. Зачѣмъ тутъ?.. спросилъ Тихановъ, видимо теряя присутствіе духа.

— А такъ ты не тамъ!.. воскликнулъ Васька, вытаращивъ глаза на бродягу и указывая на полъ.—Стой робяты, Шустовъ уйдетъ!..

— Не уйдетъ!.. грозно остановилъ движеніе крестьянъ къ двери Соколовъ.—Что вамъ нужно?..

— Тебя да Шустенка!.. Въ Русу надо приставить... Бу́дя! подуровали!.. кричитъ народъ.

— Если такъ,—берите—я сдаюсь... Эй, Шустовъ!.. Вставай братъ, попались,—закричалъ Тихановъ въ отворенную дверь.

— Живой не дамся!.. кричалъ Шустенокъ, входя въ избу и еще не зная въ чемъ дѣло. Но увидя, что съ цѣлой избой народа ничего не подѣлаешь, сдался и Шустенокъ.

— Ну, братцы, берите... Вамъ, значитъ, міру—сдаюсь; а будь полицья—ни въ жисть бы не отдался... Вѣдь полицья ловитъ нашева брата не затымъ, чтобъ порядокъ любила, а что ей за это хрестъ дадутъ... Такъ вотъ же ей, этой самой полицьи... Ни въ одной головы не повинюсь!.. И при этомъ, изобразивъ пальцами очень популярную въ народѣ фигуру, Шустенокъ ткнулъ ею въ воздухъ, по направленію къ Перегину.

На другой день огромная масса народа проводила двухъ пріятелей, называвшихъ себя братьями, Шустенка и Тиханова, подъ строгимъ карауломъ въ старорусскій острогъ.

III.

Старорусскій трактъ, по которому вели разбойниковъ въ острогъ, никогда не былъ такъ оживленъ и многолюденъ, какъ въ этотъ день. Старый и малый спѣшили взглянуть на людей, съ которыми никто бы не желалъ встрѣчи во время пребыванія ихъ на свободѣ. Весь городъ встрѣчалъ двухъ пріятелей съ какимъ-то нервнымъ любопытствомъ, а у воротъ тюрьмы негдѣ было упасть яблоку; полиція съ трудомъ очищала путь для знаменитыхъ людей, жизнь которыхъ не для однихъ Холмскаго и Старорусскаго уѣздовъ осталась поучительною, а слава жестокости которыхъ не умираетъ въ народѣ этихъ мѣстностей до сихъ поръ. Радостное извѣстіе о ихъ поимкѣ дошло до Холма гораздо раньше того времени, когда вздумалось старорусскому исправнику сообщить объ этомъ И. А. Волкову. Съ гордостью, достойной лучшей участи, старусская полиція приписывала громко себѣ честь поимки бродягъ, въ сущности не видя ихъ до тѣхъ поръ, покуда не вздумалось подслужиться въ этомъ дѣлѣ самимъ крестьянамъ. Едва извѣстіе о заарестованіи Шустова и Тиханова пронеслось по Холму, какъ И. А. Волковъ и множество любопытныхъ отправились въ Русу, взглянуть на такую знаменитость. По должности исправляющаго должность исправника, Волкову необходимо было отобрать отъ нихъ показаніе, и по пріѣздѣ въ Русу онъ немедленно же отправился въ тюрьму. Заарестованные разбойники сидѣли въ отдѣльныхъ, секретныхъ нумерахъ и къ первому,

какъ къ болѣе прямому и откровенному субъекту, Волковъ приступилъ къ Тиханову. Исторія его прошлаго была далеко не такъ интересна, какъ прошлое товарища его, Шустенка; но скрытность и молчаливость послѣдняго были извѣстны давно. Чтобы развязать языкъ угрюмаго и молчаливаго невольника, нужно было прежде заискать расположенія въ Тихановѣ; Волковъ понялъ это, и достигъ своей цѣли.

— Если хочешь, ваше благородіе, чтобъ братъ мой говорилъ съ тобой по откровенности, позволь мнѣ сказать ему два-три слова,—вызвался Тихановъ.

— Какой братъ?.. Развѣ Шустовъ братъ тебѣ?..

— По волѣ и неволѣ роднѣе всякаго родного брата... Егоръ меня, а я ево такъ слушаемъ и почитаемъ, что ежели бы, ваше благородіе, такое согласіе было въ семьяхъ, — пришлось бы полиціи закрывать... Повѣрь, ваше б—діе, что мои два слова: «братъ—говори правду», развяжутъ ему языкъ лучше всякихъ вымогательствъ и прижимокъ... Вы безъ меня съ Егоромъ помучаетесь, онъ твердый на слово...

Желая добиться истины, Волковъ приказалъ привесть Шустова.

— Братъ, говори правду!.. воскликнулъ Тихановъ, увидя Шустова; — не задерживай этого барина, онъ пріѣзжій...

Но Шустовъ не вдругъ сдѣлался откровеннымъ. Нѣсколько времени онъ отдѣлывался отъ вопросовъ обычными арестантскими оборотами, сводя отвѣты на «да» да «нѣтъ», но когда его познакомили съ началомъ показанія Тиханова, Шустовъ оживился, встряхнулъ головой; глаза его заискрились и проведя рукою по подбородку—прервавъ чтеніе, онъ началъ:

— Ладно, ваше бл — діе, будетъ!.. Видно пришла пора каяться; ужъ ежели братъ мой по откровенности,—не уступлю-жъ и я ему... Только не подставь, баринъ, свидѣтелей... да впрочемъ, ваше дѣло будетъ писать, а наше подписывать... Вотъ при частномъ, такъ ужъ не добился-бъ отъ меня слова, а для васъ!..

И заговорилъ Шустовъ, заговорилъ скоро, бойко и отчетливо, все что́ воскресло въ его памяти, не упомнная только о преступленіяхъ. Слушая его рѣчь, И. А. Волковъ спросилъ: «что тебя, Егоръ, заставило такъ жить?.. Какая причина привела на эту дорогу?»

— Это вы насчетъ того, зачѣмъ я состою въ евтой самой должности?.. перебилъ Шустовъ.—Изволите видѣть, лишняя душа въ Старорусскомъ уѣздѣ стала помѣхой для начальства... Когда, бывало, ни начнутъ считать души, — все одна оставалась лиш-

нею—значитъ, начетъ выходилъ; ну, и рѣшили выбрать эту лишнюю душу, добра-молодца,—да такого, чтобы, ваше бл—діе, ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать, и подарить молодца царю, въ его службу царскую. Подарокъ-то захотѣли сдѣлать не попрежнему, не по приказу царскому, а просто задумали, да не въ зачетъ набора и надѣли мнѣ некрутскій чепчикъ,—по-просту—забрили въ солдаты... Такъ-то-ся я и служить попалъ. А въ службѣ, знамо, неволя; а къ неволи, какъ и сами изволите знать, ваше бл—діе, мы непривычны... ну, и убёгъ со службы... А случилось это, ваше бл—діе, — скажу вамъ, какъ грамотный, — въ первые дни 1857 года. Разскажу по порядку, какъ дѣло это произошло. Когда меня сдали въ Новѣгородѣ, вотъ я и началъ служить... Служилъ, служилъ... двѣ недѣли отслужилъ, да такъ ретиво, такъ, значитъ, ревностно, что черезъ недѣлю начали на меня и настоящую аммуницію припасать; только которую не примѣрю — все, значитъ, выходитъ не въ пору...; не по костямъ была некрутская одежа на мои бывалыя плечи. Бились, бились, да и говоритъ старшо́й, что́ надъ одежой поставленъ: «идишь ты какой!—говоритъ—на тебя и одежи не прибрать!.. Стой—снимутъ мѣрку!» Сняли. А портной и говоритъ: «давай — говоритъ — нитокъ!» — А я гдѣ возьму?.. дѣло, стало, некрутское; говорю: «нѣту». — «Есть — говоритъ — деньги?» — «Есть немного», говорю. — «Ну такъ ступай въ лавку и купи». Какъ пошелъ я, ваше бл—діе, за нитками-то, такъ вотъ такъ, до встрѣчи съ вашей милостью, и хожу... Только и была раза три маленькая перемежичка: разъ словили меня одного, отсчитали 300 дубинокъ и послали служить въ Кострому,—городъ такой есть. Про́кутно показалось мнѣ и въ костромской командѣ. Бѣжалъ я и оттуда, хоть за нитками никто не посылалъ; да недѣли черезъ двѣ-три словили, анаѳемы, да въ острогъ; и началось мое мытарство. Изъ острога въ полкъ, изъ полка въ острогъ, по судамъ, да по полиціямъ разнымъ... мнѣ даже обидно стало!.. «Вотъ—думаю—тягаютъ!.. Бытто не все равно, что севодня, что завтра — въ Сибирь; ужъ рѣшали бы скорѣй...» Главная бѣда, ваше бл—діе, та, что кормятъ въ это время хуже, нежели свиней, какимъ-то водянымъ, помойнымъ супомъ... Накопецъ,—слава тебѣ Господи!—порѣшили меня на двѣнадцать годовъ въ мачиху-Сибирь, къ тетинькѣ-каторгѣ, на крѣпостныя работы; а для отсылки туда перевели въ новгородскій острогъ. Отсюда до Твери гнали насъ пѣшкомъ, съ Твери—по чугункѣ, да посадили съ поляками, которыхъ гнали тоже въ Сибирь видимо-невидимо... Это было, коли изволите помнить, ваше бл—діе, въ тотъ годъ, когда поляки бун-

товались... Сижу себѣ я, да слушаю, какъ промежду собой поляки говорятъ; сталъ, слово за словомъ, понимать ихъ рѣчь, попробовалъ кое-что самъ сказать—поляки смѣются надо мной, да еще больше пристаютъ. Баловался я, баловался, да при старшихъ-то конвойныхъ и пусти слова четыре по-польски... Глядь — и польза!.. Старшіе-то и признали меня за поляка, да съ тѣхъ поръ ужъ насъ и не разлучали. Такъ довезли насъ до Нижняго. Здѣсь острогъ ужъ былъ биткомъ набитъ, и пришло то, что насъ дѣть некуды. Вотъ, начальство и распорядилось, чтобы, значитъ, политичныхъ преступниковъ не сажать въ острогъ, а въ деревянные бараки; дескать, политичные — люди благородные — не уйдутъ... Такъ мы и сохранялись въ баракѣ, потому что и меня начальство сосчитало полякомъ. А въ баракѣ-то была воля. Бывало, дадутъ тебѣ денегъ—сходи за виномъ:—сичасъ одну доску въ стѣнѣ отдвинешь, а другую къ себѣ прижмешь—и маршъ... Кандалы надѣвали на насъ только тогда, какъ начальство входило, а къ вечеру мы ихъ снимали, и до утра спали въ свободѣ...

— Ты не врешь ли?—перебилъ его И. А. Волковъ.—Какимъ образомъ можно снять кандалы, когда они такъ тѣсны, что нерѣдко натираютъ ноги арестантамъ.

— Ну, ужъ, ваше бл—діе, какъ арестанты снимаютъ съ себя кандалы—это дѣло наше, и вамъ это знать не приходится, потому вы въ нашей шкурѣ ходить не будете... Вотъ евти кандалы, которые теперь на мнѣ, — это точно, что кандалы; такъ ноги и жмутъ; ихъ, видно, и дѣлалъ-то не кузнецъ, а плотникъ. А тѣ, съ которыми я шелъ въ Сибирь, дѣлалъ, надо полагать, кузнецъ-художникъ, потому были такъ хороши, что хоть пляши въ нихъ...

— Зачѣмъ же ты ушелъ тогда безъ кандаловъ?.. вотъ теперь и пригодились бы, — пошутилъ Волковъ.

— Да, лёгко сказать это... А возьми я укради кандалы-то, такъ меня засудили бы; вѣдь казенный антпресъ...; а знамо, какъ казна стоитъ за свое... засудили-бъ!.. Да и неспособно на волѣ показываться съ такими бруслетками; всякому въ глаза кипется...

— Ну, а когда ушли вы изъ бараковъ—долго ли пробирались на свою сторону?..

— Ушли мы, ваше благородіе, это какъ теперь помню, на 10-е іюня ночью... Иванъ грамотный, такъ онъ велѣлъ запомнить это число... Сбирались-то къ побѣгу мы долго; все не удавалось уломать Ивана. Начну я, бывало, говорить ему про свою сторону, какъ это у насъ тамъ все хорошо, да просторно; и домъ близко, и женка, и дѣти... Хошь и бродяга я, ваше бл—діе,

а на дѣтей своихъ взглянуть захотѣлось... А какъ Иванъ былъ мнѣ землякъ и сусѣдъ по уѣзду, — сталъ я хвалить и ево сторону. Смотрю, затосковалъ и Иванъ. Ну, думаю, ужъ коли тоска напала, значитъ — на волю хочетъ. Я къ нему; что-жъ, говорю, нюни-то распускать; вѣдь въ другомъ мѣстѣ къ побѣгу такъ не приспособишься,—пойдемъ!.. «Пойдемъ,—говоритъ Иванъ, —отъ тебя, говоритъ, не отстану». Добрый человѣкъ намъ добылъ вольныя шапки, потому — неспособно въ арестантскихъ; да и опять же все — казна... выбрали мы потемнѣе ночьку, да подождливѣе, кинули казенную одежду, да въ однихъ рубахахъ и махнули изъ барака черезъ самыи тыи вороты, скрозь которыя я за виномъ ходилъ. Въ эту ночь мы не пошли далеко, а спрятались тутъ же вблизи къ бараку, потому слыхали, что начальство завсегда гонится за убѣгшимъ арестанцемъ по всѣмъ большимъ и дальнимъ трахтамъ, а тутъ, воблизь, не ищетъ: дескать, что-жъ за дуракъ бѣглецъ, что, убѣгши, будетъ держаться кольострога... Когда, утромъ, зашумѣли конвойные, да заругалось начальство, зачѣмъ мы не идемъ поздравить его съ добрымъ утромъ, мы навострили уши, сидимъ, да слушаемъ, куда велятъ ѣхать розыскивать насъ... Слышимъ, отряжаютъ все по большимъ трахтамъ въ разныя стороны къ Волгѣ отъ Нижняго, а объ одномъ — ни слова... Такъ мы тихимъ манеромъ, давши погони-то убраться подальше, — да на тотъ трахтъ, о которомъ забыло начальство, и хоть верстъ полтораста приняли кругу, да дѣлать было нечево... Такъ мы трои сутокъ, ни пивши, ни ѣвши, шли: страхъ на насъ напалъ такой, что все думалось — не гонятся ли солдаты... Однако, слава Богу!.. добрались на четвертыя сутки до Волги, а все не жравши, хоть и было у насъ шестьдесятъ четыре рубля денегъ... Не шла и ѣда на умъ... Какъ взглянули на Волгу-то, у насъ и душеньки замерли!.. Такъ это на ней, матушкѣ, хорошо, да привольно!.. Видимъ за Волгой лѣсъ и таково тамъ, знаешь, ласково мѣсто выглядываетъ, что хошь умри тамъ... Надо было ѣхать туда... А какъ ѣхать?.. Мѣсто такое пустое—ни души нигдѣ; да видно Богъ намъ дорогу указывалъ. Спустились мы съ Иваномъ подъ берегъ, — глядь — лодчонка; мы въ нее, да за рѣку. Только пріѣхали, походили по берегу, смотримъ, а тамъ дальше опять рѣка... И догадались мы, что сидимъ на острову, и жилья тамъ — никакова... А лодчонку-то, чтобъ скрыть свой слѣдъ, приставши къ берегу оттолкнули прочь и пошла она внизъ по матушкѣ по Волгѣ... Тоска напала на насъ; тошно стало; голодны, отощали... Надо бы плыть дальше на другой берегъ — не на чѣмъ; хотѣли-было пуститься вплавь,—

боязно, потому трое сутокъ не ѣвши — отощали, — не вынесть... Ходимъ мы это по берегу, тужимъ да горюемъ; вдругъ, видимъ, къ нашему берегу лодка плыветъ, а въ ней рыбаки... Какъ быть?.. Прикинулись пьяными бурлаками, дескать, загуляли да и остались отъ судовъ... Извалялись въ грязи, загорланили что брело къ носу, и ну молиться: дядюшки, возьмите на берегъ; не киньте Христа-ради, лукавый, молъ, попуталъ, загуляли маленько, да вотъ и остались... Мужики поругали насъ, а однако, взяли въ лодку. «Видишь,—говорятъ,—ивановцы, налопались; готовы остатную рубаху пропить...» Мы молча лежимъ въ лодкѣ, какъ плахи, — думаемъ: ругай, да только на берегъ высади. Пристали къ берегу.

— Пошли!.. Вылѣзайте!.. кричатъ на насъ мужики. А мы ни съ мѣста.

— Видишь — пьяницы!.. Выноси ихъ, Вавила... Черти!.. И кто только повадилъ ихъ таскаться на этотъ островъ.—Чрезъ минуточку насъ бросили на песчаный берегъ, посчитавъ порядочно высунувшіяся ребра. Но за то, когда мужики уѣхали отъ берега, мы ожили; да вѣдь какъ ожили!.. Точно насъ накормилъ кто-нибудь праздничнымъ обѣдомъ... Поосмотрѣвшись маленько, мы какъ присвиснули, да какъ гайнули пѣсенку разлихватскую, и пошли своимъ путемъ-дорогою къ Демянску. Тутъ ужъ мы не скупились, а ѣхали по пароходамъ и ко 2-му іюля прибыли домой, къ Ивану... Такъ-то-ся, ваше благородіе, мы и поселились вотъ въ евтихъ краяхъ; все какъ-быдто около своёва дома... А что насъ теперь словили — это горе небольшое... Богъ не безъ милости; можетъ и не все подъ солдатскимъ карауломъ насъ гонять будутъ; можетъ, дождемъ, когда станутъ перегонять насъ изъ стана въ станъ, — ну, тогда дѣло особенное; сотскихъ нарядятъ къ намъ съ бородами... А съ ними, какъ съ своимъ братомъ,— поладимъ скоро... Поведутъ, примѣрно, изъ перваго во второй станъ, ну, знамо, сотскихъ въ провожатые дадутъ. Идешь, идешь, да и свернешь въ сторону... Нонѣ бѣгать можно — гадовъ на спину не настегаютъ.

— «Побратимушки, куды-жъ вы?.. запоютъ плачевно сотскіе.

— Да домой, скажемъ, — въ лѣсъ...

— «Ну и ладно; и намъ къ дому ближе...»

— Вѣдь мужики, хоть выдали, а вѣдь жалѣютъ насъ, какъ малыхъ ребятъ,—вмѣшался Тихоновъ.—Мы у нихъ бывали первыми гостями; особливо въ Перегинѣ мы пожили весело, — какъ дома! Спали все на перинахъ и каждый насъ зналъ; гуляньи ни одни безъ насъ не обходились, и по всѣмъ праздникамъ, только

приди, — за первыхъ людей почтутъ... Теперь, Егоръ играетъ на гармоніи... Да что́ вся твоя музыка!.. Никому такъ не сыграть; я затяну пѣсню, плясать пойду — народъ толпой бѣжитъ послушать, да позѣвать; а дѣвки!.. Эхъ, ваше ба-ародіе, и говорить не остается!..

— А что, ваше благородіе, какъ насчетъ нашихъ доброжелателевъ-то, что́ изволили въ острогъ посадить?.. Новичковскіе-то?.. Вѣдь поди, и имъ хаживать по одной дорожкѣ съ нами?.. спросилъ Шустовъ.

— Вѣроятно на поселеніе уйдутъ, отвѣчалъ исправникъ.

— Ну, и лучше!.. По крайности—вздумается съ каторги куда-нибудь прогуляться, такъ все же свои земляки будутъ поближе... Тогда ужъ въ Старорущину—ни ногой!.. Теперь еще я буду просить ваше благородіе объ одномъ дѣлѣ. Какъ приведутъ въ Холомской острогъ, прикажите не садить насъ вмѣстѣ съ Новичковскими... Смерть не люблю упрековъ; а отъ нихъ тамъ покоя не будетъ... Жены моей нѣтъ-ли тамъ?..

— Если жену взяли, то она должна быть здѣсь...

— Вотъ, ваше благородіе, изволили заговорить про Егорову жену, заговорилъ Тихановъ. И за что ее брать, чѣмъ баба виновата?.. Вѣдь Егоръ, хошь лыкомъ шитъ, хошь душегубъ, а все-жъ ей мужемъ доводится... Здѣшнее начальство налегло на бѣдную бабу: подавай, да подавай мужа. А легкое-ль дѣло—выдать женѣ мужа!.. вѣдь она человѣкъ, душа-то и въ ей не калѣка, такая-жъ какъ и у каждаго православнаго... Не поправедному поступаютъ наши начальники... Цѣлую недѣлю морили молодицу, все подговаривали: подведи — да подведи мужа... Видно у этого начальства вмѣсто души-то голикъ всунутъ... Ну, сами посудите, статочное-ли дѣло женѣ на мужа доносить?.. Пусть сторона доноситъ... А то сторона молчитъ, а жена пойдетъ подводить... Да ее міръ заѣлъ-бы, съ деревни-бъ согнали!..

— Ну, прощайте, братцы, остепенитесь, обратился къ нимъ И. А. Волковъ; если будете держать себя смирно, не будете стараться вновь бѣжать, — васъ начальство, если и не совсѣмъ помилуетъ, то все-таки смягчитъ наказаніе.

— Это въ былые годы смягчали, ваше благородіе, а нынче нечего смягчать... Въ старые годы одинъ судъ постановитъ бѣглаго солдатинку плетюгой отстегать, а другой смягчитъ приговоръ, да велитъ палкой бить. Не берусь удостовѣрить, ваше благородіе, что́ мягче, — возразилъ Шустовъ. Слава Богу и дай Богъ здравствовать царю, нонѣ пальцемъ никого не тронутъ...

Впрочемъ, уйти Шустенку еще разъ не пришлось: новгородское начальство, зная, что старорусскій острогъ ветхъ и вообще неудобенъ для содержанія такихъ молодцовъ, какъ Шустенокъ, предписало перевесть ихъ въ кандалахъ и подъ строжайшимъ карауломъ въ новгородскій острогъ.

Осенью въ 1866-мъ году, оба преступника были высланы въ Белебельскую волость, въ которой числится родина Шустенка, деревня Перегина, и наказаны для примѣра, въ поученіе мѣстному населенію, плетьми черезъ палача, и затѣмъ сосланы въ каторжныя работы [1]). Но нельзя сказать, чтобы цѣль поученія была достигнута, и, какъ мы видѣли изъ вышеприведенной цитаты «Московскихъ Вѣдомостей», ближайшаго къ намъ времени, почти отъ вчерашняго дня, безопасность въ провинціи не сдѣлала большихъ успѣховъ и въ семидесятыхъ годахъ.

О. Парвовъ.

---

[1]) Насколько была важна поимка Шустенка и Тиханова для холмскихъ жителей, доказываетъ адресъ городского общества, преподнесенный П. А. Волкову, съ разрѣшенія министерства внутреннихъ дѣлъ.

ПЛАНЪ

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ШКОЛЫ.

Два года тому назадъ я издалъ брошюру „Сельско-Хозяйственное знаніе и Сельско-Хозяйственное образованіе“, въ которой разсматривалъ основанія организаціи сельско-хозяйственной школы и отношенія ея къ общеобразовательной школѣ, и пришелъ къ слѣдующимъ главнымъ выводамъ. Преподаваніе въ сельско-хозяйственной спеціальной школѣ должно ограничиваться спеціальными и вспомогательными предметами,—послѣдними въ самонужнѣйшихъ размѣрахъ; а для осуществленія этого необходима реальная школа, которая выпускала бы въ сельско-хозяйственную школу молодыхъ людей, знакомыхъ уже съ основными предметами сельскаго хозяйства (то-есть естественными науками и началами политической экономіи). Такое раздѣленіе задачи настоящихъ сельско-хозяйственныхъ школъ между общеобразовательной реальной и спеціальной сельско-хозяйственной школами представляетъ, на мой взглядъ, нѣсколько существенныхъ выгодъ. Такъ, сельско-хозяйственная школа только въ этомъ случаѣ можетъ быть удобнѣе устроена внѣ города, въ связи съ хозяйствомъ, совершенно необходимымъ для сельско-хозяйственной школы; тогда какъ въ настоящее время такая связь, требующая помѣщенія школы внѣ города, крайне затрудняетъ пріобрѣтеніе хорошихъ преподавателей для основныхъ предметовъ, находящихъ себѣ болѣе соотвѣтствующую обстановку въ городахъ. Далѣе, при исключеніи изъ сельско-хозяйственной школы курсовъ реальной школы, молодой человѣкъ можетъ поступить въ сельско-хозяйственную школу въ такомъ возрастѣ и съ такой подготовкой, которыя позволятъ ему вполнѣ сознательно посвятить себя изученію сельско-хозяйственной спеціальности; изучая основные предметы безъ всякаго отношенія къ той или другой спе-

LIBRARY OF CONGRESS
00024137867

LIBRARY OF CONGRESS
0 002 413 786 7